

И. А. Трахтенберг

Капиталистический и советский банк

(Опыт теоретического анализа)

I

Настоящая статья не ставит своей задачей описание деятельности капиталистических и советских банков, а имеет целью определить их природу. Речь идет, стало быть, не о том, как и каким способом банки выполняют свои функции, а о том, каковы функции банков в капиталистических условиях и каковы эти функции в условиях переходного хозяйства вообще, в условиях советского хозяйства, в частности.

Для разрешения этого вопроса, для определения роли и значения банка, установления его характерных черт можно исходить из опыта и практики банковской деятельности, как эти опыт и практика сложились. Выяснение природы банка в этом случае свелось бы к обобщению проявившейся уже деятельности банка, к определению путем статистического и экономического анализа закономерностей развития его.

Такая постановка вопроса и такой метод его разрешения вполне закономерны и, пожалуй, единственно правильны, когда речь идет о капиталистических банках, т.е. о банках, функционирующих в условиях стихийного хозяйства, при которых роль и значение банков выявляются только в объективных результатах, складывающихся в результате стихийных закономерностей народного хозяйства. Банки при всех условиях являются орудием экономической политики, это правильно и в отношении капиталистических банков. Но в условиях буржуазного хозяйства политика банков обуславливается или корыстными интересами отдельных капиталистических групп или же равнодействующей интересов этих различных групп. До какой бы степени концентрации не достигала кредитная система, момент конкуренции между хотя бы немногочисленными, но все же самостоятельными банками, сохраняет значение и служит определяющим фактором как политики, так и методов деятельности банков. Наконец, содержание банковской деятельности и конечная цель экономической политики, орудием проведения которых являются банки, сводятся, в сущности, к одной всепроникающей и верховной идее — получению прибыли. Этой идее

подчинена банковская деятельность, и если объективным результатом этой деятельности является разрешение народнохозяйственных задач, развитие производительных сил, то все же критерием деятельности банка с точки зрения буржуазного общества является прибыль.

Объективная роль и значение банков обнаруживается только в результатах их деятельности, следовательно, только путем изучения результатов деятельности банка может быть осознана роль капиталистических банков и их природа. Для опознания природы капиталистических банков другого пути нет; хотя банки и являются орудием экономической политики, но этой экономической политике чуждо народнохозяйственное содержание: капиталистический банк есть, прежде всего, частнохозяйственный институт, преследующий частнохозяйственные цели и имеющий частнохозяйственные интересы. Народнохозяйственное значение банка поэтому обнаруживается только в складывающихся, помимо преследуемых самим банком частнохозяйственных целей, результатах.

К этому еще необходимо добавить, что капиталистические банки имеют уже многолетнюю историю и вековой опыт. Время функционирования капиталистических банков более чем достаточно для установления закономерностей их деятельности и развития.

Но едва ли такой подход возможен по отношению к советским банкам. Едва ли возможно определить природу советского банка посредством изучения уже пройденного пути и накопленного опыта. Этим ни в какой мере не отрицается важность, притом чрезвычайно большая важность, изучения опыта советских банков. Но изучение этого опыта советского банка не может иметь того значения, которое оно имеет для банка капиталистического. Во всяком случае, обобщение опыта советских банков, опыта, как он есть, обобщение системы организации кредита, организации, как она сложилась к настоящему времени, обобщение методов деятельности советских банков, какие применялись и применяются сейчас, не могут быть такого рода обобщениями, которые дали бы теорию советских банков.

В самом деле. Предположим, было бы доказано, что планирование кредита, составление кредитных планов до сих пор было неудачно. Предположим, было бы доказано, что результаты деятельности банков очень далеки от плановых предположений, что осуществление кредитных планов дает весьма большие отклонения от намеченных целей. Можно ли было бы на основании этого заключить, что планирование кредита противоречит сущности, природе советских банков?

Такое заключение было бы, по меньшей мере, опрометчиво. Все попытки обвинить, как и оправдать плановый метод кредитного хозяйствования путем указания на „эмпирику“, на уже проделанный опыт, заранее обречены на неуспех. И вовсе не надо, как это иногда делают, оправдывать планирование кредита путем искусственных

статистических манипуляций, долженствующих доказать успешность планирования.

Планирование кредита вытекает из природы советской кредитной системы, и если до сих пор это планирование не удавалось или не совсем удавалось, то отсюда можно только заключить о правильности или неправильности способов планирования, но не самой идеи планирования.

Планирование кредита, как одна из характерных черт советского кредита, определяющая его природу, вытекает не из эмпирического опыта, а из общей характеристики советского банка.

Вопрос о планировании кредита приводится в данном случае только как пример. Но этот пример характерен для иллюстрации непригодности эмпирического метода для определения природы советского банка.

И в условиях советского хозяйства, в особенности в условиях советского хозяйства, банк является орудием экономической политики, орудием проведения определенных целей. Но цель эта не частно, а народнохозяйственная. Банки в советских условиях являются орудием преобразования современного хозяйства, орудием построения социалистического общества. Этой цели подчинен банк, вся деятельность банка находит единственный критерий в этой общей все проникающей и все определяющей цели. Об'ективное значение капиталистического банка обнаруживается только в результатах деятельности его, советский же банк имеет об'ективное, заранее установленное задание.

Пример. Об'ективным результатом деятельности капиталистических банков является концентрация промышленности, банки содействуют этой концентрации. Но едва ли можно сказать, что это заранее установленная цель капиталистического банка. Советские банки также содействуют концентрации хозяйства, но это содействие есть не только об'ективный результат деятельности банков, но и заранее установленное задание. И не только просто концентрация, а концентрация в определенных формах, в формах крупного обобществленного хозяйства — таково одно из устремлений всей хозяйственной системы в целом и таково задание банков, как орудия осуществления стремлений рабочего класса.

Необходимо подчеркнуть, что больше чем какой-либо другой институт нашей системы, советский банк является „делом рук человеческих“.

Этим отнюдь не отрицается значение стихийных закономерностей, имеющих в нашем хозяйстве и предопределяющих деятельность советских банков. Это фактор огромного значения, и его ни в коем случае и ни в какой мере не следует недооценивать. Это необходимо подчеркнуть со всей решительностью.

Но в то же время было бы абсолютно неправильным и переоценивать роль стихийных факторов. Эти стихийные факторы, о ко-

торых речь будет впереди, могут влиять и в действительности влияют на результаты деятельности банков, но не являются определяющими для природы и сущности советских банков.

Банки, конечно, не могут, подобно поэту, „брать кусок жизни и творить из него легенду“, но деятельность банка даже в капиталистических условиях больше, чем какая-либо другая область хозяйственной деятельности, может быть подчинена рациональной воле. Особенно это свойственно советскому банку.

Для характеристики советского банка, таким образом, невозможно пользоваться только эмпирическим материалом. Изучение опыта советского банка имеет огромное значение, и в частности для нашей проблемы должен дать большой материал для суждений, но сводить теорию советского банка только к обобщению опыта было бы большой ошибкой. Не опыт советского банка определяет его природу, а его природа должна служить критерием для критического изучения опыта банка.

К этому следует добавить еще следующее. Советский банк существует всего шесть с половиной лет. Этот срок, даже если принять во внимание быстрый темп развития народного хозяйства, все же еще недостаточен; на основании такого сравнительно недолговременного функционирования советского банка делать какие-нибудь окончательные обобщения было бы преждевременно. Эти первые годы советского банка были скорее временем нащупывания, поисков наиболее рациональной, наиболее соответствующей целям и задачам переходной эпохи системы организации кредита. Не случайно, что за такой небольшой промежуток времени организация кредита и методы работы наших кредитных организаций подвергались неоднократно изменению. И кто возьмет на себя смелость утверждать, что наша кредитная организация в настоящее время окончательно уже оформилась? Для того чтобы в этом быть уверенным, надо предварительно доказать, что организационная структура и методы деятельности наших кредитных учреждений как-раз соответствуют как общей системе нашего хозяйства, так и тем об'ективным историческим задачам, разрешить которые выпадает на долю наших банков.

Для выяснения существа и природы советского банка необходимо, конечно, использовать уже пройденный опыт, необходимо критически использовать все данные о деятельности наших банков. Но для определения природы нашего банка всего этого будет недостаточно, а иногда слишком поспешное обобщение кратковременной практики наших кредитных учреждений может повести к ложным теоретическим построениям.

Таким образом, прежде всего необходимо установить, что для правильной постановки рассматриваемой нами проблемы нужно исходить не столько из того, каковы наши банки суть в настоящее время, сколько из того, каковы они должны быть. Функции наших

банков должны быть определены не посредством простого описания различных сторон текущей деятельности банков, а путем анализа той роли и значения, которые свойственны банкам в условиях переходной к социализму эпохи.

А отсюда совершенно очевидно, что общую характеристику банка нельзя дать чрез характеристику отдельных его черт. Нельзя исходить из характеристики отдельных, скажем, статей пассива и актива банков. Наоборот, отдельные формы деятельности банков определяются общей их характеристикой, отдельные статьи пассивов и активов наших банков находят объяснение в общей характеристике банков.

Это положение правильно, в сущности, и в отношении капиталистических банков. Описание и анализ отдельных операций, отдельных форм деятельности банков можно дать только после установления общей их характеристики. Тем более это правильно в отношении советского банка, где отдельные формы его деятельности к тому же далеко не достигли своей законченности и определенности.

Следующее методологическое замечание таково. Существо, природу советских банков следует выяснять чрез противопоставление и сопоставление с капиталистическими банками.

Банки — это учреждения капиталистического хозяйства. Только в условиях капиталистического хозяйства они достигают своей завершенности. Только в условиях этого хозяйства полностью обнаруживается природа банка. Капиталистические банки — это чистый, развернутый, обнаруживающий все черты банк.

Сопоставление с капиталистическим банком диктуется все же не только тем, что при этом мы противопоставляем советское кредитное учреждение типическому банку. Необходимость такого сопоставления определяется еще тем, что само существование банка у нас обуславливается как раз наличием сходных если не по содержанию, то по форме отношений с условиями капиталистического хозяйства.

В банке мы имеем дело с явлением особого порядка, осуществляющим и олицетворяющим особый тип социальных связей, таких связей, которые полностью и без остатка исчезают в условиях социалистического хозяйства. В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются. Та система общественного счетоводства и общественного учета производства и распределения продуктов, которую мы мыслим функционирующей в условиях развернутого социализма, очень мало похожа на современный банк. Капиталистический банк является прототипом будущего общественного учета, но только прообразом. И будущую организацию общественной бухгалтерии назвать банком, в настоящем смысле этого слова, никак нельзя. В советских же условиях мы имеем банк, пусть не совсем сходный с капиталистическим, но все же банк.

При характеристике советского банка в целом, так и отдельных его черт, нельзя исходить из того, каков этот банк будет в условиях социалистического хозяйства. При социализме банкам места нет. Функции банка в условиях переходного хозяйства ни в малейшей степени не могут определяться тем, каковыми они должны быть в условиях развернутого социализма. Советский банк существует, как банк лишь в той мере, в какой и в наших условиях сохраняются сходные хотя бы по форме с капиталистическими условиями отношения. И в той мере, в какой эти отношения изменяются, в такой банки не изменяются, а просто уничтожаются. В условиях переходного хозяйства мы наблюдаем не трансформацию отдельных сторон банка, а их атрофию, вымирание, поэтому изучать природу нашего банка необходимо чрез сопоставление с банком капиталистическим.

Само собою разумеется, что в дальнейшем речь будет идти не об отдельных банках, а всей кредитной системе в целом.

II

Развитие кредита обуславливается товарно-денежными отношениями и соответствующей им своеобразной формой движения товаров и капитала. Как известно, движение товаров совершается в виде непрерывного метаморфоза товаров и денег, движение капитала — в виде непрерывного метарморфоза различных форм капитала, денежного, товарного и производительного. Без ясного и отчетливого осознания этой своеобразной формы движения капитала нельзя понять явления кредита, всякая попытка построения теории кредита без того, чтобы положить в основу ее указанную характеристику движения капитала, обречена на бесплодие. Понимание этого момента чуждо господствующим теориям кредита, и именно это обстоятельство составляет основную их ошибку и обнаруживает неспособность объяснить сущность, а не только форму кредита.

В своем движении капитал постоянно трансформируется, одна форма капитала превращается в другую; в то же время один и тот же капитал в отдельных своих частях пребывает в различных своих функциональных формах.

То, что движение капитала представляется как метаморфоз различных форм капитала, создает возможность кредита. То, что пребывание отдельных индивидуальных капиталов в той или другой своей функциональной форме не совпадает во времени, возможность кредита превращает в необходимость.

Кредит возникает разнообразными путями, точно так же как его развитие обуславливается не только использованием денежной формы одного индивидуального капитала в кругообороте другого. В условиях развитого капиталистического хозяйства и развитой банковской системы источники кредита весьма разнообразны и в общем кредите масса денежного капитала, как результат высвобождения из кругооборота капитала, составляет только часть, притом часть не столь большую. Дело не столько в высвобождении денеж-

ной формы капитала, сколько в самом процессе превращения одной формы капитала в другую.

Существование кредита обуславливается наличием товарно-денежных отношений и своеобразных форм движения капитала. Больше того. Наличие товарно-денежных отношений и своеобразие форм движения капитала создает неизбежность развития кредита и кредитных отношений.

Существуют ли эти предпосылки, обуславливающие неизбежность развития кредита, в условиях советского хозяйства?

На этот вопрос необходимо ответить утвердительно. И в наших условиях имеются налицо товарно-денежные формы отношений. Правда, эти отношения принимают, соответственно всей структуре советского хозяйства, своеобразное содержание. Содержание общественных отношений изменяется, но сохраняются формы их. Формы социальных отношений оказываются более консервативными.

То же необходимо сказать о капитале. Говорить о капитале в условиях советского хозяйства приходится в весьма и весьма условном смысле слова. Внешние формы тех отношений, которые характеризуются экономической категорией капитала, у нас сохраняются. Остановившись подробно на этом вопросе мы не имеем возможности, так как это отвлекло бы нас от поставленной проблемы. Здесь только ограничиваемся замечанием, что в дальнейшем, при использовании термина „капитал“, имеется в виду вся условность этого термина применительно к советскому хозяйству.

Поскольку у нас сохраняется товарно-денежная форма отношений, у нас сохраняется и своеобразие движения капитала, как непрерывного метаморфоза различных функциональных форм капитала. И в условиях советского хозяйства движение капитала представляется как превращение одной функциональной формы капитала в другую, и здесь капитал проходит чрез три стадии: денежного, производительного и торгового капитала, и здесь кругооборот капитала начинается авансированием денег, вернее, денежной формой капитала и этой его формой завершается.

Таким образом, и в условиях советского хозяйства мы имеем налицо предпосылки возникновения и развития кредита. И в условиях советского хозяйства кредит не только возможен, но и неизбежен.

Для последней стадии развития капитализма характерно то, что кредит осуществляет движение ссудного капитала, как особой категории, находящей свое определение (характеристику) в противопоставлении капиталу, промышленному и торговому.

Это не значит, конечно, что в условиях промышленного капитализма нет ссудного капитала. Сказанное нужно понимать в том смысле, что в последней стадии капитализма ссудный капитал начинает занимать господствующее положение. И в условиях промышленного капитализма характерно существование ссудного капи-

тала, но в условиях современного капитализма существование ссудного капитала, как самостоятельной категории, дает характеристику кредиту.

В процессе развития капиталистического хозяйства функциональная форма промышленного капитала, денежный капитал, обособляется в особый вид капитала, и именно этот особый вид капитала, ссудный капитал, дает определяющее значение кредиту. Ссудный капитал уже не просто высвобождающийся из процесса кругооборота капитала временно праздный, незанятый денежный капитал. Ссудный капитал составляет особый вид капитала, и источниками этого ссудного капитала является не столько временно праздная денежная часть функционального капитала, сколько разного рода другие формы денежного накопления.

Функциональный капитал (промышленный и торговый) уже не столько ссужает сколько занимает. В распоряжении промышленных и торговых капиталистов всегда находится сумма, большая нежели совокупный их капитал. Чужие капиталы обращающиеся в промышленности и торговле, составляют очень большую часть и, что самое главное, во всех стадиях процесса кругооборота капитала участвует чужой капитал. Это же возможно только потому, что наряду с промышленным (и торговым) капиталом функционирует денежный капитал, единственное предназначение которого — удовлетворять нужду функционального капитала в деньгах. Движение ссудного капитала обуславливается не столько тем, что в процессе кругооборота капитала происходит постоянное временное высвобождение свободного денежного капитала, сколько тем, что стадия пребывания капитала в денежной форме осуществляется посредством привлечения денег с рынка ссудных капиталов.

Каковы характерные отличия ссудного капитала и чем он отличается от капитала?

Прежде всего, совершенно ясно, что ссудный капитал — это категория, производная от капитала, в основании того и другого лежат одни и те же производственные отношения. Но если капитал непосредственно характеризует отношение собственника орудий производства и рабочего, то ссудный капитал характеризует отношения между капиталистами. Капитал находит свою характеристику в производстве и присвоении прибавочной стоимости, ссудный капитал характеризуется распределением прибавочной стоимости.

Таково различие капитала и ссудного капитала по содержанию тех общественных отношений, выразителями которых они являются. Но, кроме того, между ними есть и формальная разница, имеющая для нашей темы, пожалуй, более важное значение.

Формальные характеристики, но в то же время отражающие своеобразный тип социальной связи ссудного капитала, сводятся вкратце к следующему:

Первое. Ссудный капитал это, прежде всего, денежный капитал, он всегда представляет денежную форму капитала. Поэтому движение ссудного капитала не представляет метаморфоз различных форм капитала, а есть просто движение денег. Движение ссудного капитала опирается на движение капитала, без последнего движение первого невозможно, но ссудный капитал сам по себе во всех стадиях своего движения остается капиталом денежным.

Второе. Формой отчуждения ссудного капитала является ссуда. Он не знает другой формы отчуждения кроме ссуды. Возврат ссуженной суммы не случаен, а вытекает из природы ссудного капитала.

Третье. Ссудный капитал, как и всякий капитал, в своем движении возрастает. Но возрастание ссудного капитала принимает форму процента. Процент — это часть прибыли, и он противопоставляется препринимательскому доходу.

Четвертое. Движение ссудного капитала тесно связано с движением капитала реального, но отнюдь ему не параллельно.

Пятое. Ссудный капитал — это сумма покупательных и платежных средств, но и в противоположность последним он, кроме того, является капиталом, приносящим проценты. Ссудный капитал — это капитал, т. е. самовозрастающая в своем движении стоимость, но в противоположность реальному капиталу ссудный капитал, кроме того, представляет собою сумму покупательных и платежных средств.

На основе этих характеристик вырастает особая форма ссудного капитала, так называемый фиктивный капитал, но на этом мы останавливаться не будем, так как поставленная нами проблема может быть и без этого разрешена.

Ссудный капитал требует для осуществления и организации своего движения создания особых учреждений. Такие учреждения и развиваются в лице банков. Исторически банки возникли многообразными путями. Но на последней стадии капитализма необходимость банков вызывается развитием и ростом значения ссудного капитала. Банк есть не что иное, как капиталистическое предприятие, организующее и осуществляющее движение ссудного капитала.

Обращаясь к советской системе хозяйства, надо и здесь констатировать наличие ссудного капитала. Само собою разумеется, и эта категория, как и категория капитала, имеет весьма своеобразное содержание. Говорить о ссудном капитале, как и о капитале вообще, применительно к стране, переживающей переходный от капитализма к социализму период, приходится с очень и очень большой оговоркой. Тех общественных отношений, выразителями которых является категория капитала, по крайней мере в обобщенном секторе народного хозяйства, нет. Но по своим формальным признакам то, что мы и в условиях советского хозяйства называем ссудным капиталом, походит на ссудный капитал буржуазного общества.

Значение этих формальных признаков тем более усиливается, что ссудный капитал образуется на стыке обобщенного сектора нашего хозяйства и необобщенного его окружения, на стыке коллективистического способа производства и индивидуалистического метода домохозяйства. В сущности говоря, только потому, что в Советском Союзе мы наблюдаем сожительство разнообразных хозяйственных систем, только потому, что у нас домохозяйство (потребление) еще далеко от обобщения, — у нас во всем народном хозяйстве сохраняются товарно-денежные отношения, производственный процесс представляется как движение (метаморфоз различных форм) капитала, в сфере обращения функционирует ссудный капитал.

Иногда делаются попытки дать характеристику советского банка, исходя только из закономерностей обобщенного сектора народного хозяйства, абстрагируясь от необобщенного окружения. Такой способ выяснить природу нашего кредита и наших кредитных учреждений заранее обречен на неуспех. Если бы не было необобщенного окружения, хозяйственные связи не принимали бы форму товарно-денежных отношений, нельзя было бы говорить, даже чисто формально, о капитале, тем более о ссудном капитале.

Советский банк лишь в той мере можно назвать банком, в какой он связывает обобщенный сектор хозяйства с необобщенными секторами и индивидуальным домохозяйством. Советский банк, как система общественного счетоводства и контроля, обращен к обобщенному хозяйству; советский банк, как банк, обращен к необобщенному окружению.

Существование хотя и своеобразной категории ссудного капитала — это факт, а наличность банков с ресурсами в несколько миллиардов рублей свидетельствует о наличии этого факта. Что же представляют собою ресурсы наших банков, как не ссудный капитал? И формой приложения какого капитала, как не ссудного, являются облигации наших государственных займов? Как же назвать доход, получаемый банками по его ссудам и уплачиваемый банками по вкладам, как не процентом? Точно также, как же иначе, как не процентом можно назвать доходы, получаемые от вложения денежных средств в государственные займы?

Вновь необходимо подчеркнуть, что в наших условиях ссудный капитал выражает не те общественные отношения, отображениями которых является ссудный капитал буржуазного общества. Сходство только в форме отношений, но не в их содержании. В этом скрывается, конечно, внутреннее противоречие, но это противоречие не данной только категории, а всей хозяйственной системы в целом.

Таким образом, и в условиях советского хозяйства мы констатируем наличие ссудного капитала, вырастающего на почве товарно-денежных отношений и своеобразных форм движения капитала. Это обстоятельство вызывает неизбежность возникновения кредит-

ных учреждений. Данное нами выше общее определение банка с некоторыми поправками применимо и к советскому банку. Наши банки являются учреждениями, организующими и осуществляющими движение ссудного капитала.

Данной до сих пор характеристикой подчеркнуты черты, сближающие советский банк с капиталистическим банком. Только сходство и объясняет возникновение и развитие советского банка, как банков. Но советский банк имеет черты и отличающие его от банка капиталистического. Эти отличные черты так же, если не более, важны, как и черты сходства. Если бы не было черт сходства, у нас не было бы банка; если бы не было черт отличия, наш банк не был бы банком советским.

В условиях капиталистического хозяйства движение ссудного капитала, его возникновение, изменение, а главное направление определяются стихийной закономерностью. Деятельность капиталистического банка только отображает эту закономерность. Действие рациональной воли банков весьма и весьма ограничено. Поскольку эта рациональная воля определяется частнохозяйственным стимулом, стремлением к получению максимальной прибыли, она в сфере действия народнохозяйственной стихии не может быть полностью осуществлена. Нет сомнения, что воля банка проявляется сильнее, нежели воля каких-либо других хозяйствующих субъектов, но поскольку эта воля осуществляется через посредство конкуренции, направление деятельности капиталистического банка определяется, в конечном счете, стихийными закономерностями.

В условиях советского хозяйства направление ссудных капиталов определяется регулирующей и планирующей волей. Место стихии, конкуренции заступает указание, постановление, декрет. Правда, не всегда эта воля полностью осуществляется, может быть иногда и вовсе не осуществляется. Всем известно, как краткосрочное кредитование легкой индустрии превращалось за пределами непосредственного влияния плана в долгосрочное кредитование тяжелой индустрии. Отчасти это объяснялось организационными неувязками, но и, помимо этого, самая возможность такой „трансформации“ намерений плана не исключается. Разве кредитование, предположим, текстильной промышленности, предписанное планом и выполненное банком, не может, в действительности, оказаться кредитованием кооперации? Отношения, складывающиеся между отдельными даже государственными хозяйственными единицами, могут оказаться вне поля зрения и воздействия планового кредитования и, таким образом, кредитная стихия может внести большие коррективы в сознательное регулирование кредита. Стихия может видоизменить планы, но это происходит не обязательно.

Собственно говоря, и капиталистический банк действует по заранее выработанному плану. Но в то время как в условиях капиталистического хозяйства полное осуществление плана является совер-

шенной случайностью, в условиях советского хозяйства, по крайней мере в тенденции, случайностью является отклонение результатов от плана.

Если до сих пор зачастую выполнение плана было случайностью, то все же мы утверждаем, что действительное планирование кредита и возможно и необходимо. Не совсем удачный опыт планирования объясняется отчасти недостаточной выработкой рациональных методов планирования, а с другой стороны — тем, что планирование всего народного хозяйства еще далеко от совершенства. Охват планом всего народного хозяйства дело будущего. Ясно, конечно, что в области кредита планирование наталкивается на большие затруднения, оно гораздо более сложно и требует новых навыков.

Порукой возможности действительного планирования кредита является, во-первых, рост планового начала во всем народном хозяйстве и, во-вторых, то, что наши банки ставят себе непосредственной задачей достижение народнохозяйственных результатов. Здесь мы подходим к следующей особенности советского банка.

Стимулом деятельности капиталистического банка, как и всякого капиталистического предприятия, является стремление к получению максимальной прибыли. Народнохозяйственные результаты в условиях капиталистической системы достигаются чрез посредство стремления каждого отдельного банка и получения частных выгод. Такой стимул у советского банка совершенно отсутствует. Его деятельность непосредственно определяется общими народнохозяйственными интересами. Не прибыль, а задачи социалистического строительства — таков объективный смысл функционирования советского банка. Поэтому проблема чисто банковского накопления не может у нас иметь того значения, какое оно имеет в капиталистическом хозяйстве. Рентабельность банка — таков конечный критерий капиталистического банка. Эта рентабельность может совпадать, может и не совпадать с интересами развития производительных сил. Критерием для оценки деятельности советского банка непосредственно является народнохозяйственный эффект.

Это же обстоятельство, повторяем, имеет большое значение с точки зрения возможности реального планирования. План капиталистического банка вырабатывается с точки зрения получения максимальной для данного банка выгод. План, имеющий такое задание, как общее правило, должен входить в конфликт с народнохозяйственной эффективностью кредитования. План советского банка определяется непосредственно народнохозяйственными выгодами, поэтому входить в конфликт с народнохозяйственными результатами кредитования он может только в виде исключения.

Дело сводится к тому, чтобы заранее правильно определить возможные результаты кредита; задача чрезвычайно трудная, но она не неразрешима в условиях такого хозяйства, которое, по крайней мере в тенденции, должно быть охвачено общим планом.

Не надо недооценивать действия стихийных факторов нашего хозяйства, но не надо их и переоценивать. То, что в области кредита стихийные факторы имеют неизмеримо большее значение, нежели в других областях, нет никакого сомнения; то, что реального планирования в области кредита мы добьемся позже, нежели в других областях, также несомненно. Но также несомненно и то, что без планирования кредита мы не добьемся и общего хозяйственного планирования.

Кредитный план, конечно, не бюджет. Но, в сущности, всякие другие (промышленные, торговые) планы не представляют собою жестких норм хозяйствования. Существо всякого хозяйственного плана заключается в общей постановке, в общих, а не в детальных конкретных заданиях, и оставляет достаточный простор самостоятельности тем предприятиям, которые планы осуществляют.

Надо заметить, сама идея планирования, в сущности, никем не оспаривалась. В тех настроениях против плана, которые иногда проявляются, скрыто не отрицательное отношение к плану, а больше к методам и субъектам планирования. Кто должен планировать кредит, сами ли банки, или какие-либо другие учреждения — вопрос практически чрезвычайно важный, но для характеристики советского банка вопрос довольно-таки второстепенный. Важно только установить, что самый принцип плана не только не противоречит идее советского банка, но имманентно ему присущ, вытекает из самой природы и существа советского банка.

Но, вместе с тем, вновь необходимо подчеркнуть, что действие стихийных факторов в области кредита очень велико. Особенно сильно это действие сказывается в определении массы могущих быть в распоряжении банков ресурсов, массы приводимых банками в движение ссудных капиталов. На этом мы остановимся в следующей главе, когда дадим характеристику отдельных функций банков.

Из сказанного об отличительных особенностях советского банка вытекает и своеобразное строение процента.

В условиях капиталистического хозяйства процент в конечном счете определяется спросом и предложением ссудных капиталов. Сознательное, преднамеренное урегулирование процента, проводимая банками политика учетного процента имеет целью оказывать воздействие на спрос и предложение капитала. Там, где ссудный капитал в значительной своей части является фиктивным, политика учетного процента может иметь значение. Но не надо преувеличивать этого значения. Вместе с ростом и развитием депозитных банков и соответственно умалением роли центральных эмиссионных банков значение политики учетного процента значительно понижается. И во всяком случае эта политика не уничтожает ни действия конкуренции, ни действия стихийных законов спроса и предложения ссудных капиталов.

В условиях советского хозяйства процент все более и более приближается к указной цене. Это вытекает из природы советского банка. Но, вместе с тем, значение процента и в наших условиях чрезвычайно велико. Весьма распространено убеждение, что процент в наших условиях не может оказать влияния ни на спрос, ни на предложение ссудных капиталов. Такое убеждение основано на практике. Но дело в том, что советские банки далеко еще не развернули всех своих потенций. Даже больше того. Нам сдается, что до сих пор деятельность наших банков шла по линии наименьшего сопротивления; главнейших и наиболее существенных своих функций советский банк не только еще не выполнил, но еще и не развернул. При разворачивании же всех своих функций процент будет играть очень большую роль.

Наконец, последняя отличительная черта советского банка, которую необходимо подчеркнуть и которая имеет особенно важное значение, заключается в следующем.

Капиталистический банк питает капиталистическую систему хозяйства и ее утверждает. Объективная задача капиталистических банков — расширять действие капиталистической системы, постоянно ее на расширенной основе воспроизводить. Капиталистические банки возникают на базе товарно-денежных отношений и всей своей деятельностью воспроизводят эти отношения.

Советский банк также возникает и развивается на основе товарно-денежных отношений. Но объективной задачей и целью советского банка является уничтожение товарно-денежных отношений, т.-е. почвы, которым обуславливается его существование.

Капиталистический банк, таким образом, своей деятельностью воспроизводит и утверждает самого себя. Советский банк своей деятельностью, в конечном счете, уничтожает самого себя. Капиталистический банк, организуя и осуществляя движение ссудного капитала, воспроизводит ссудный капитал. Советский банк, организуя и осуществляя движение ссудного капитала, имеет объективной своей задачей уничтожение денежно-ссудного капитала.

Советский банк это делает таким образом, что, с одной стороны, он вовлекает в сферу действия ссудного капитала отсталые секторы народного хозяйства — в этом проявляется утверждение и укрепление банка, как банка; с другой стороны, он подчиняет движение ссудного капитала интересам социалистического строительства — в этом проявляется отрицание банка, как банка.

Как та, так и другая задачи одинаково важны. Отказаться от первой задачи — значит переоценить социалистические элементы нашего хозяйства и преждевременно ликвидировать советский банк, как банк, прежде чем будет использована организующая роль советского банка, именно как банка.

Отказаться от второй задачи — значит недооценивать значения банка, как орудия социалистического преобразования общества, и,

стало быть, не усматривать его отличий от капиталистического банка.

Нам представляется одинаково неправильным как отрицать сходство черт, а значит и методов работы советского и капиталистического банка, так и не видеть огромных принципиальных черт различия, а значит и методов работы того и другого.

В свете развитых соображений рассмотрим отдельные функции капиталистического и советского банка.

III

На вопросе о функциях капиталистических банков нам следует остановиться подробнее по следующим причинам.

До сих пор марксистская теория кредита и банков чрезвычайно мало, чтобы не сказать больше, разработана. Если другие части учения Маркса нашли достаточно много интерпретаторов, породили большую литературу, то как-раз учению Маркса о кредите и банках уделялось очень мало внимания. Маркс не оставил строго разработанной и законченной теории банков, но, вместе с тем, все элементы этой теории мы у него находим. Систематизировать учение Маркса о банках — задача благодарная и крайне нужная.

Кроме того, остановиться подробнее на функциях банков необходимо потому, что эта сторона учения Маркса подверглась величайшему искажению. Широкое распространение получила идея о том, что по Марксу банки являются чисто посреднической организацией, что банки не выполняют никакой творческой работы, что их роль в движении капиталов пассивна. Никакого различия между вульгарной и марксовой экономией в этом отношении не делается. Этот взгляд, как мы покажем в дальнейшем, совершенно ошибочен.

Мы определили банк, как капиталистическое предприятие, организующее ссудный капитал и осуществляющее его движение.

Средством достижения этого является выполнение банками следующих функций.

Во-первых, банки выступают посредниками в передаче ссудных капиталов: средства денежных капиталистов они передают промышленным и торговым, т.-е. функционирующим, капиталистам.

Во-вторых, банки превращают денежную (функциональную) форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал.

В-третьих, банки превращают доходы в ссудный капитал.

В-четвертых, банки, в силу закономерностей денежного обращения и в меру, полагаемую этими закономерностями, непосредственно создают покупательные и платежные средства и превращают эти последние в ссудный капитал.

Аккумуляция и создание ссудных капиталов означает осуществление их движения, стало быть, направление их в различные отрасли народного хозяйства, предоставление их отдельным хозяйствующим единицам.

Все указанные функции тесно между собою связаны, взаимно обусловлены, одна вытекает из другой; использование их во всей их совокупности ведет к перераспределению реальных капиталов, к расширению процесса реального капиталонакопления, к интенсификации процесса воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

На каждой из этих функций необходимо остановиться в отдельности, попутно выясняя их значение для советского банка.

Первая функция банков состоит в посредничестве между денежными капиталистами и капиталистами промышленными и торговыми. Ссудный капитал, т.-е. капитал, приносящий проценты, единственной формой отчуждения которого является ссуда, может существовать и действительно существует и вне банков, в руках денежных капиталистов. Историческим предшественником этого денежного капитала является ростовщический капитал. Денежный капиталист может непосредственно ссужать деньгами капиталиста функционирующего, но в современном хозяйстве такой непосредственной связи между денежным и функционирующим капиталистом нет. Эта связь осуществляется чрез банки. Капитал, как ссудный капитал, в этом случае возникает и существует и вне банков и до его появления в банках. Но прежде чем он попадает в руки функционирующего капиталиста, он проходит через банк. Вместо одной сделки ссуды, при которой денежный капиталист выступает как кредитор, а функционирующий капиталист как должник, происходят две сделки. Единый акт сделки разрывается на два самостоятельных акта. Первый, при котором денежный капиталист выступает как кредитор, банк как должник; второй, при котором банк выступает как кредитор, функционирующий же капиталист как должник. Роли денежного и функционирующего капиталиста не изменились, но зато выступил банк, который одновременно является и заемщиком (по отношению к функционирующему капиталисту) и заемщиком (по отношению к денежному капиталисту). Социальные отношения вследствие посредничества банка осложнились, но не изменились. Никакого изменения не произошло потому, что и до вмешательства банка в наличности уже был ссудный капитал. Банк получил ссудный капитал от денежного капиталиста и передал его капиталисту функционирующему. В этом случае функция банка была чисто посредническая.

Совершение этих сделок чрез посредство банков имеет только одно значение. Частные отношения между капиталистами приобретают общественное содержание. Банки собирают все средства денежных капиталистов и снабжают ими капиталистов функционирующих. Таким образом, они, оборачиваясь в сторону функционирующих капиталистов, выступают от всего коллектива денежных капиталистов, а оборачиваясь в сторону денежных капиталистов, они представляют весь коллектив капиталистов функционирующих.

Именно эту функцию и только эту функцию разумел Маркс, когда писал:

„В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда становятся их особым делом. Они выступают как посредники между действительными заимодавцами и заемщиками денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны (an dieser Seite) состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большими массами ссуженный денежный капитал, так что вместо отдельного заимодавца промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры, как представители всех заимодавцев, они становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем заимодавцам они концентрируют заемщиков, так как они занимают для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, заимодавцев, с другой — централизацию заемщиков“.¹

В этой функции банк выступает посредником. То, что он получает от денежных капиталистов, он передает промышленным и торговым капиталистам. Он получает ссудный капитал и его же представляет.

Наиболее распространенной формой приложения этого капитала являются ценные бумаги. Капитал денежных капиталистов не отлагается обыкновенно в банках в виде вкладов. Объясняется это следующим.

Ссудный капитал по своей природе вообще двойствен. С одной стороны, ссудный капитал является суммой покупательных и платежных средств, а с другой — эта сумма покупательных и платежных средств выступает как капитал, приносящий проценты. Обе эти характеристики тесно между собою связаны. Но в каждом отдельном конкретном случае может иметь основное значение то одна, то другая характеристика ссудного капитала. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду, когда необходимо различать случаи, при которых путем кредита предоставляются просто средства обращения, от случаев, когда кредитом предоставляется дополнительный капитал.

Хотя обе характеристики ссудного капитала тесно между собою связаны, но в каждом отдельном конкретном случае может иметь главное значение для заимодавца или для заемщика одна или другая сторона ссудного капитала.

¹ К. Маркс, Das Kapital, III, стр. 388, рус. пер. стр. 379. Здесь, как и в других местах, цитируется немецкое издание 1922 года, русское — перевод Базарова и Степанова, изд. 1907 г. Заметим кстати. В книге проф. З. Каценеленбаума „Учение о деньгах и кредите“ часть II, стр. 230 (второе издание) подчеркнутые нами слова „с этой стороны“ пропущены и, таким образом, дано не совсем правильное, вернее, совсем неправильное толкование точки зрения Маркса на банки.

Совершенно очевидно, что капитал денежных капиталистов имеет для них значение не столько, как масса покупательных и платежных средств, сколько как капитал, приносящий проценты, хотя для того чтобы их капитал приносил проценты, он и должен иметь форму денег. Дело, конечно, в ударении. Обе характеристики сохраняют свое значение, но в данном случае, с точки зрения денежных капиталистов, главным является именно то, что денежный капитал приносит его владельцу доход в форме процента.

С другой стороны, застывание этого капитала в форме денег является не временным, не случайным его пребыванием в известной фазе метаморфоз товаров и денег или форм капитала. Этот капитал всегда остается в форме денег и в своем движении не испытывает никаких метаморфоз. Это не функциональная форма промышленного и торгового капитала, следовательно, не временно высвобожденная из кругооборота капитала денежная его форма, а ссудный капитал в чистом его виде.

Оба указанных обстоятельства: первое, что капитал денежных капиталистов выступает не столько, как деньги, как сумма покупательных и платежных средств, сколько как капитал, приносящий проценты, и второе, что этот капитал не случайно и не временно пребывает в денежной форме, ведет к тому, что наиболее излюбленной формой приложения этого ссудного капитала являются различного рода ценные бумаги: облигации, акции и т. д.

Теоретически возможно вложение этого ссудного капитала в ценные бумаги без посредничества банков. Но в действительности это совершается чрез посредство банков. Банки в этом случае выступают, как организаторы предложения ценных бумаг (спроса на ссудный капитал) и спроса на ценные бумаги (предложения ссудного капитала).

Даже государственные займы, не говоря уже о частных, совершаются не путем прямого и непосредственного обращения к рынку ссудных капиталов, а посредством банковского посредничества. Совершенно невозможно представить себе обращение к рынку ссудных капиталов, например, Англии или Соед. Штатов, без и помимо участия банков.

В то же время банки организуют и спрос на ссудный капитал. Совершается это различными путями, на которых здесь нет возможности останавливаться. Но все они сводятся к тому, что банки финансируют покупку ценных бумаг. Постоянное финансирование покупок создает возможность для держателей их постоянно превращать их в деньги, а это обстоятельство ведет к тому, что в ценные бумаги могут вкладываться и временно находящиеся в денежной форме капиталы.

Без участия банков и без постоянного их финансирования невозможно создание рынка ценных бумаг и невозможна эмиссия бумажных ценностей, точно также государственные займы не могут

получить сколько-нибудь большого развития без активного участия банков.

Такова первая, чисто посредническая функция банков. Какое значение эта функция может иметь в советских условиях?

Совершенно очевидно, что большого развития эта функция в наших условиях достичь не может. Существование такого особого денежного капитала и денежных капиталистов противоречит существу советской системы. В лице такого капитала мы имеем до конца обнаруживаемый паразитический капитал. Такого рода капитал у нас обречен на положение нелегального контрагента черной биржи. С другой стороны, невозможно и совершенное его искоренение. И советскому государству приходится платить дань товарно-денежным отношениям допущением этого паразитического нароста. Но во всяком случае сколько-нибудь большего значения этот капитал у нас иметь не может. Использование этого весьма незначительного капитала возможно, главным образом, чрез систему государственных займов, но как-раз именно потому, что этот капитал незначителен, это использование может быть очень небольшим. Незначительность этого капитала ведет к тому, что рыночный процент на ссудный капитал на так называемом вольном рынке стоит на высоком уровне; очевидно, этот высокий уровень процента имманентно присущ природе советского „вольного“ рынка ссудных капиталов. Это же обстоятельство препятствует тому, чтобы привлечь его к делу размещения наших займов. Во всяком случае, перспективы здесь не велики.

Несколько большее значение могут иметь иностранные денежные капиталы, но во всяком случае, очевидно, не в течение ближайшего времени.

Таким образом, надо прийти к заключению, что рассматриваемая здесь чисто посредническая функция банков в наших условиях большого развития принять не может, хотя в то же время игнорировать эту функцию все же не следует.

IV

Следующая функция банков заключается в превращении промышленного и торгового капитала в ссудный капитал.

Развитие этой функции как раз вытекает из тех обстоятельств, из своеобразных форм движения капитала, которые возможность кредита превращают в необходимость, именно из того, что движение капитала представляется как метаморфоз различных форм капитала, денежного, производительного и товарного.

Эта тема достаточно подробно разработана Марксом, популяризирована Гильфердингом. Она предполагается читателю знакомой. Сущность вопроса заключается в том, что в процессе кругооборота капитала, в процессе его накопления постоянно образуется незаня-

тый в кругообороте праздный денежный капитал, который может быть превращен, и это превращение осуществляется банками, в капитал ссудный.

Вне банков мы имеем здесь дело с функциональной формой промышленного и торгового капитала. Для того чтобы функциональная (денежная) форма промышленного и торгового капитала превратилась в ссудный капитал, необходимо, чтобы данная денежная сумма отдана была бы в ссуду, а это последнее совершается чрез посредство банков.

Теоретически мыслимо и в конкретной действительности бывает, что этот денежный капитал дается в ссуду непосредственно одним промышленным (или торговым) капиталистом другому. Но, как общее правило, это делается через банки. Само возникновение банков, как предприятий торгующих ссудным капиталом, обусловливается фактической невозможностью для промышленного (и торгового) капиталиста самостоятельно использовать временно высвобожденный праздный денежный капитал, как ссудный капитал.

Деньги, как высвободившаяся из кругооборота функциональная форма капитала, передаются банку, и так как это делают все капиталисты, то банк, таким образом, выполняет обязанности кассира, хранителя и управителя денежных сумм всего класса капиталистов. Частная собственность на капитал отдельных капиталистов обобществляется и выступает как общая собственность всего класса капиталистов. Банки выражают одновременно как общее предположение свободных денежных капиталов, превратившихся уже теперь в ссудный капитал, так и общий спрос на ссудный капитал со стороны всего класса капиталистов.

В рассматриваемой нами функции банки не являются просто посредниками между капиталистами. Считать эту функцию только посреднической нельзя.

Вне банка капитал, о котором здесь идет речь, является только функциональной формой промышленного (и торгового) капитала. Ссудный капитал это — денежный капитал, но не всегда денежный капитал является капиталом ссудным. Денежный капитал, как функциональная форма промышленного капитала, именно банком превращается в ссудный капитал.

„Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к нам многообразными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются, таким образом, в ссудный денежный капитал“ („Diese Fonds verwandeln sich so in verleihbares Geldkapital“).¹

¹ Das Kapital, III, стр. 388, рус. пер. стр. 379.

С точки зрения оборота всего общественного капитала эта функция имеет огромное значение. Концентрация резервов всех капиталистов создает возможность для каждого отдельного предприятия иметь меньшие резервы. А с другой стороны, поскольку этой функцией банки превращают бездействующие резервы в ссудный капитал, они интенсифицируют использование капитала всего общества, значительно уменьшают, доводят до минимального предела неиспользованный капитал всего общества.

Но вместе с тем, необходимо отметить, что значение ее не так велико, как обычно думают. Весьма распространено убеждение, что ссудный капитал имеет источником своего происхождения, главным образом, денежную форму функционирующего капитала. Такой взгляд соответствует условиям промышленного капитализма, но не современного с его огромным развитием кредита и кредитных учреждений и колоссальным ростом их значения.

Дело заключается, как я это кратко формулировал в другом месте, в следующем.

„Масса денежного капитала, необходимая для осуществления кругооборота промышленного и торгового капитала, в разные моменты этого кругооборота бывает различна. С точки зрения отдельного капиталиста возможность полного кругооборота его капитала обеспечивается только в том случае, если капиталист обладает такой массой денежного капитала, которая необходима в моменты наибольшей в нем нужды, т.-е. когда большая часть промышленного капитала находится в товарной форме. В те же моменты, когда капитал в денежной форме высвобождается, т.-е., когда денежная форма капитала относительно преобладает в сравнении с капиталом в товарной форме, часть промышленного капитала находится в праздном состоянии, и этот праздный капитал может найти свое применение в другом предприятии. Но возможно и другое. Отдельный индивидуальный капиталист обладает минимальным денежным капиталом, т.-е. такой массой, которая нужна в моменты наименьшей потребности в деньгах. В этом случае непрерывность кругооборота осуществляется только в том случае, если есть возможность привлечь в данное предприятие чужие капиталы. С точки зрения отдельного капиталиста возникает проблема не только или вернее не столько использования своих высвободившихся капиталов в чужом предприятии, сколько возможность привлечь чужие капиталы в свое предприятие. То же можно сказать обо всем общественном капитале во всей его совокупности. Промышленный капитал не столько ссужает, сколько занимает, хотя может он занимать отчасти потому, что он ссужает. Возможность привлечения чужих капиталов не может зависеть от случайно совпавшего высвобождения капитала в другом предприятии, эта возможность должна быть постоянной. Такая возможность осуществляется, если вне оборота

промышленного и торгового капитала существует капитал, единственное предназначение которого заключается в удовлетворении потребности промышленного и торгового капитала в чужом капитале, — словом, если возникает ссудный капитал, как таковой“¹.

Такая возможность осуществляется наличием ссудного капитала, образуемого из других источников.

В самом деле. Фактически в развитых капиталистических странах промышленные и торговые предприятия больше кредитуются нежели сами кредитуют. В массе средств этих предприятий заемный капитал всегда существует, притом в довольно большом размере, примерно от 15% до 50—60%.

Таким образом, не отрицая значения рассматриваемых здесь функций банков, все же не надо ее преувеличивать.

Своеобразие движения капитала, как постоянного метаморфоза различных форм капитала, имеют значение не столько с точки зрения образования ссудного капитала, сколько с точки зрения его использования.

Функция банков по превращению промышленного и торгового капитала в ссудный капитал и в советских условиях сохраняет свое значение. В то же время с точки зрения количественной эта функция не занимает столь большого места. Наши промышленные и торговые предприятия, как общее правило, обладают слишком ничтожными капиталами, чтобы хотя временно высвободить денежный капитал.

Но за то эта функция имеет огромное, так сказать, качественное значение. Этой функцией советский банк объединяет круг предприятий, составляющий обобществленный сектор нашего хозяйства. Развивая эту функцию банк как раз идет по пути организации „общественного счетоводства и учета“. В этом огромное принципиальное значение этой функции, и это значение надо особенно подчеркнуть.

В условиях капиталистического хозяйства развитие этой функции, вызывающей перераспределение реальных капиталов, способствует концентрации производства и централизации капиталов; интенсифицируя процесс использования капитала, банк этой функцией — превращением промышленного и торгового капитала в ссудный капитал, — утверждает господство ссудного капитала и усиливает капиталистический способ эксплуатации. В условиях советского хозяйства банк, выполняя эту функцию, перераспределяет реальные капиталы, связывает предприятия между собою, сокращает непроизводительные издержки обращения, рационализирует методы связи и создает обобществленную систему хозяйства.

¹ См. мою статью „Теория современного кредита“, „Соц. хоз.“, кн. V—VI, 1927 г., стр. 80.

Надо заметить, что, в сущности, до сих пор наши банки, главным образом, развивали эту функцию и достигли здесь безусловно огромных результатов.

Этой функцией советский банк, выполнив свою задачу организации государственного сектора хозяйства, тем самым укрепил ее, утвердив ее позиции. Но поскольку наш банк имеет своей задачей не только организацию обобщественного сектора хозяйства, но и вовлечение необобщественного окружения в сферу влияния государственного хозяйства и поскольку он это может делать только путем вовлечения этого необобщественного окружения в сферу движения ссудного капитала, постольку на очереди дня стоит развитие других функций банков, к которым нам надлежит и перейти.

(Продолжение следует)